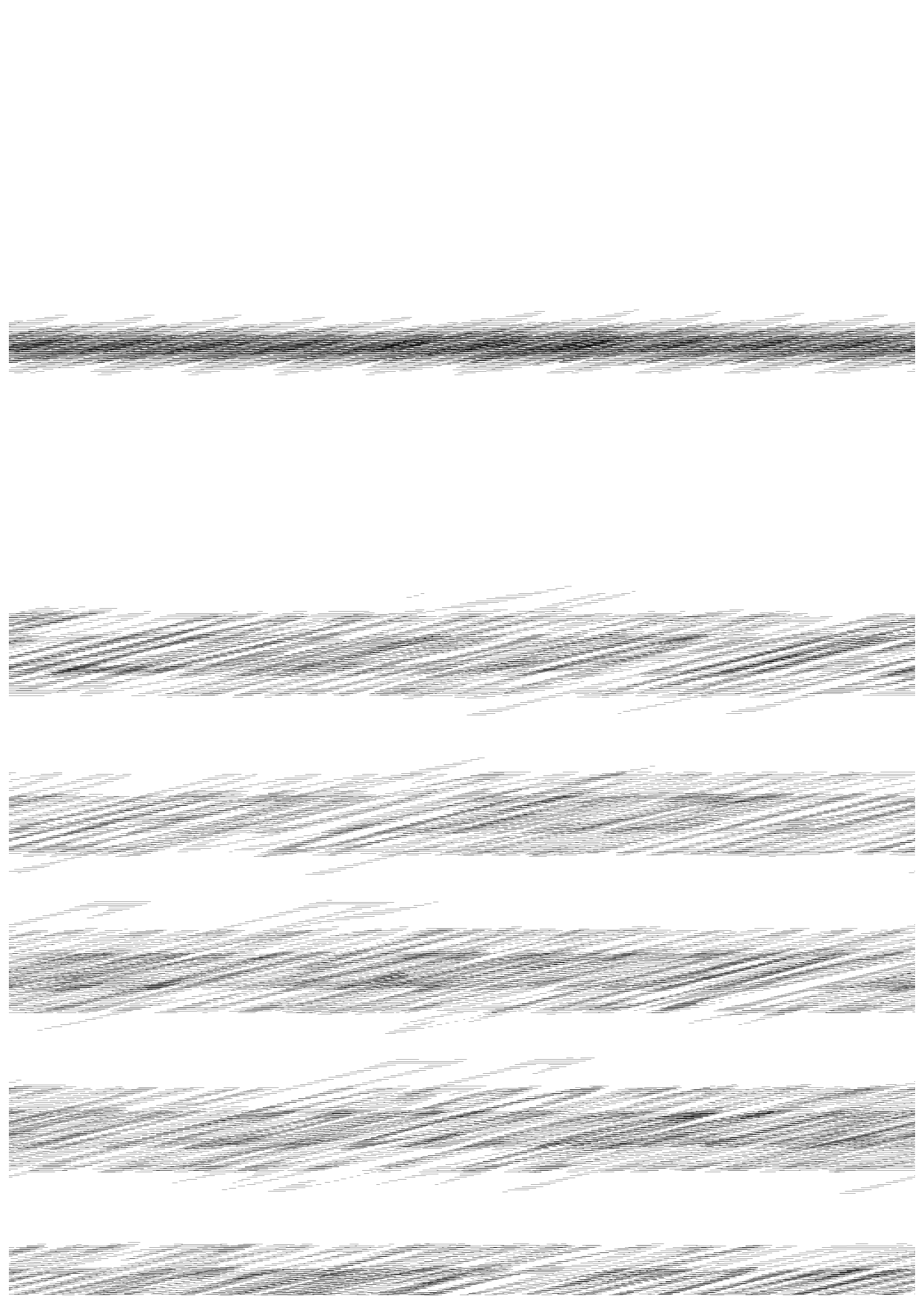
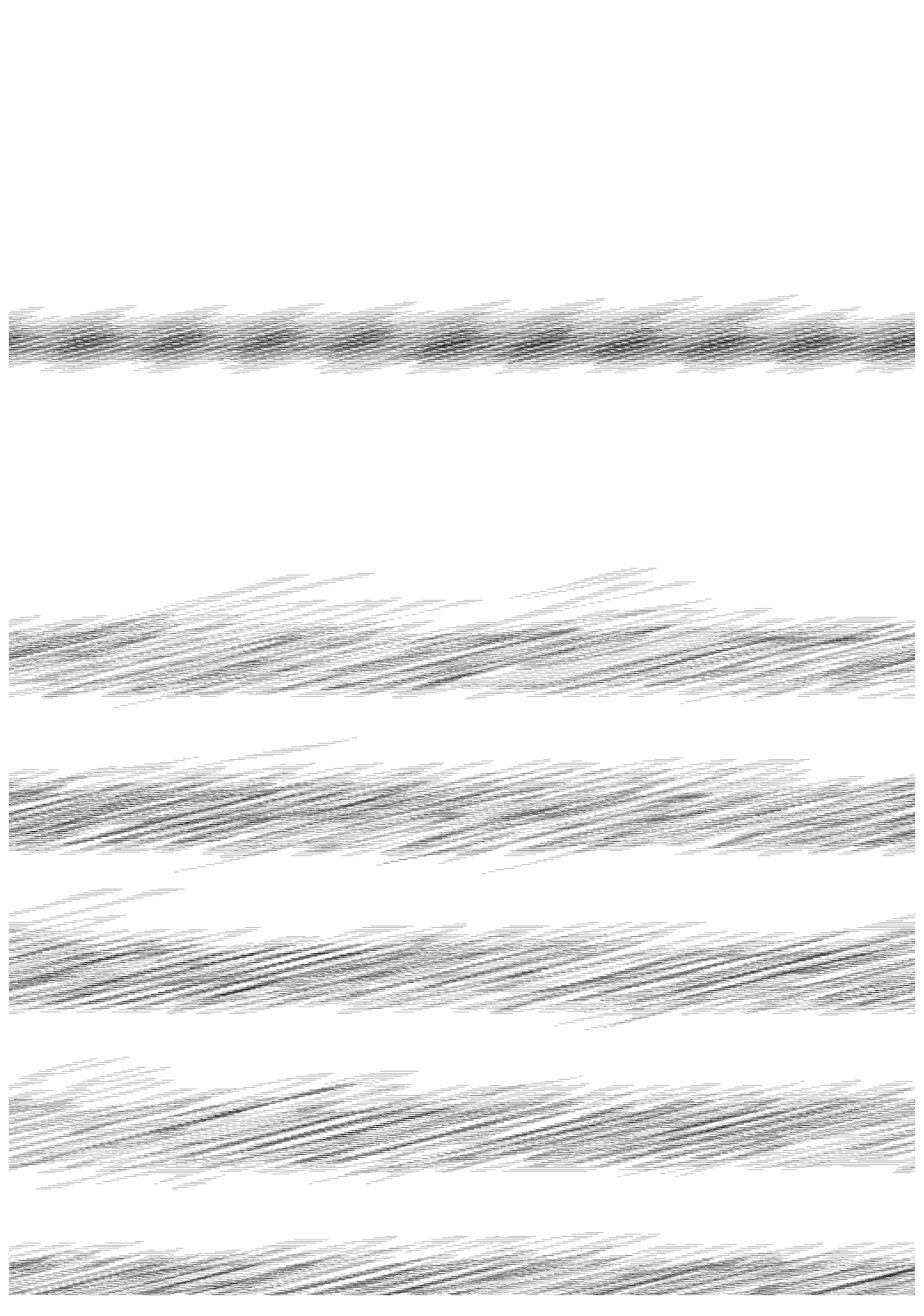
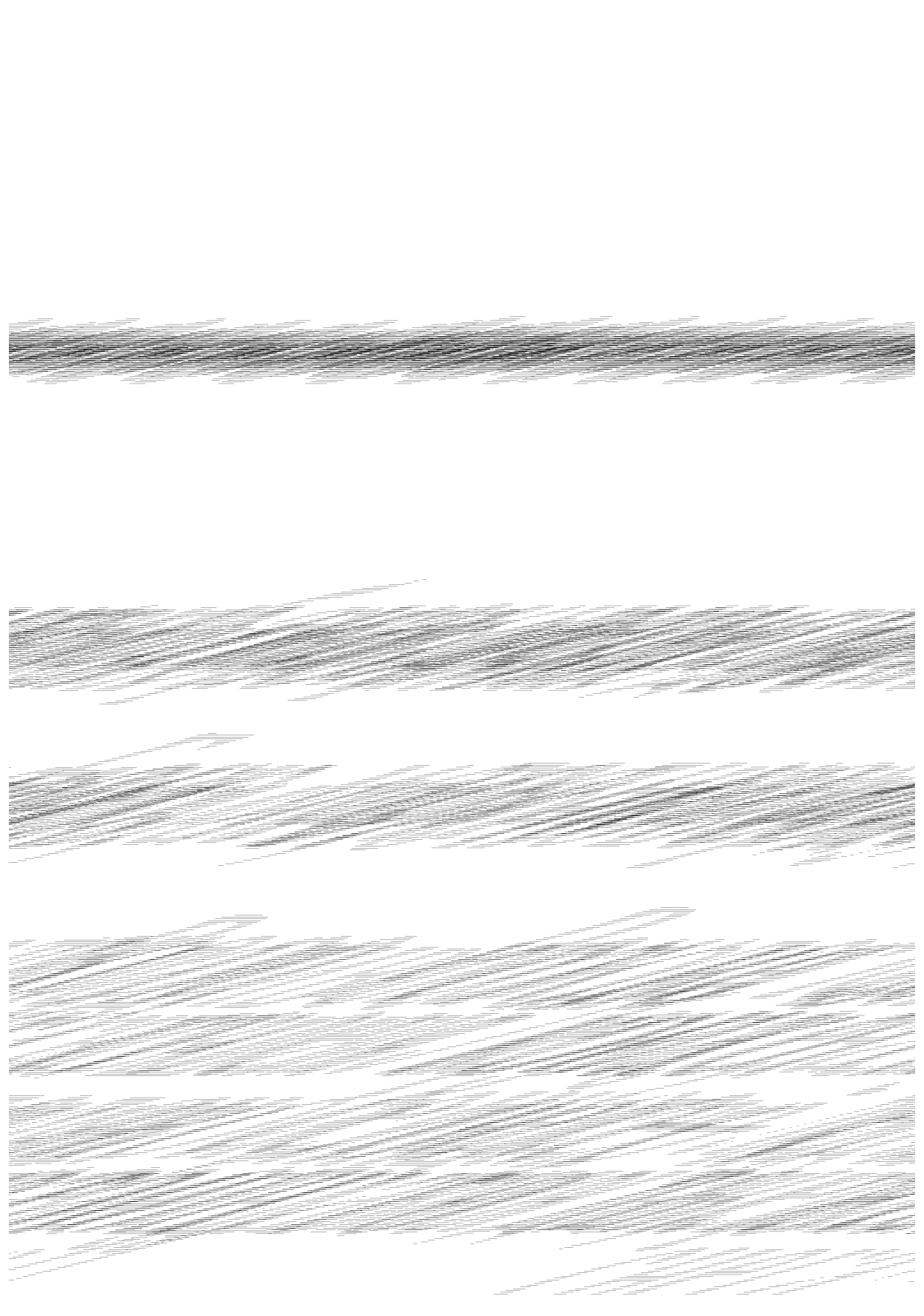
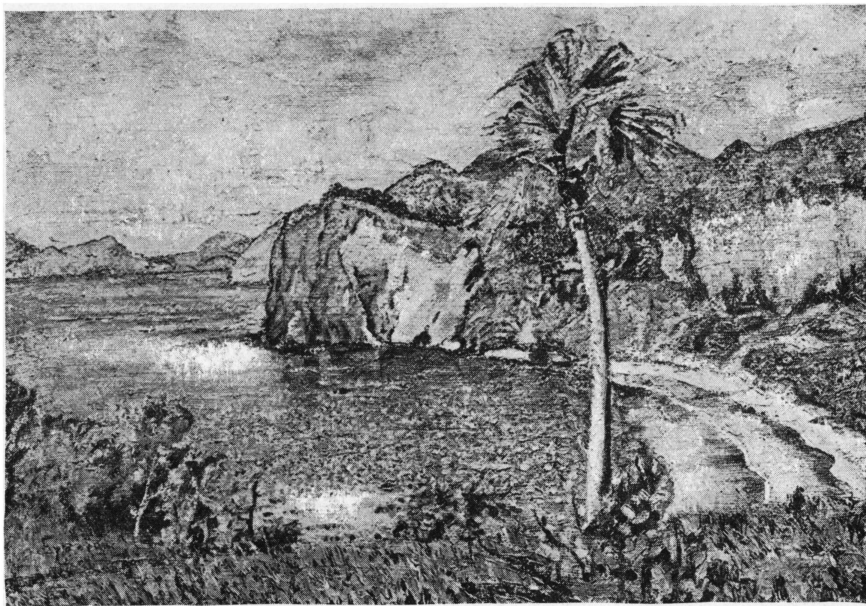

Вид залива на острове Чичиджима
в Великом Океане.

By DAVID BURLIUK.
1921 г. — (масло).

очень узкой с большим полозом на двух деревянных отводах, протянувшихся на воде параллельно лодке, в расстоянии двух аршин от нея.

Этот полоз сообщает хрупкому суденышку высшую степень устойчивости. Лодочка ни в коем случае не может опрокинуться; в ней стоит старик в соломенной шляпе в белых коротких портках и белой же рубашке; в руках он держит короткое весло, какими на Украине бабы из печи вынимают хлеб.

На пароход всходят интересные типы; дело в том, что здесь сохранилось несколько потомков жителей, издавна обитавших на этих островах; южный тип, черные глаза, пахнущие меланезиями и полинезиями, носы, глядя на которые вспоминаешь Испанию; многие из них говорят по английски; с нашим пароходом приехал один такой моряк с женой бразилианкой, няней китайкой и ребенком с очень белым личиком и бледно-зелеными глазками.

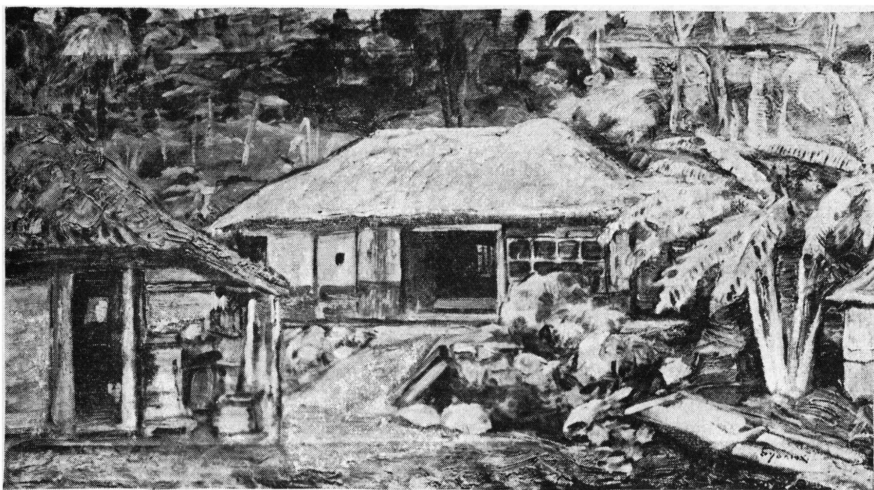
Берег радует глаз: ни одного экземпляра дерев нам знакомых; пальмы всех сортов, фикусы в несколько обхватов величиной, между стволами избы, где переплелись японские домики с дымными шалашами безхитростных туземцев.

Нам надо попасть на противоположный берег бухты, в другую деревню, где можно достать подходящую квартиру. Долго шагаем через туши рыб, которыми завелен берег; на маленьком молу местами лужи крови: некоторые рыбы кровавыми тушами —наполовину в воде; залив совершенно тих и не единая волна не жмет к берегу.

Пытаемся нанять лодку в другой угол бухты, до которого верст пять. Нам говорят: подождите лодка будет, но не терпится и какой то предприимчивый лодочник, заведя отдаленный сарайчик, слегка всетаки конфузясь, говорит: — „отдельно очень дорого, десять иен будет стоить"! Мы разочаровали предприимчивого „сендо" (лодочника) и через полчаса переехали, заплатив по 15 сен с человека. (15 коп.).

НАША КВАРТИРА.

Квартира, в которой мы поселились заслуживает описания; в тридцати шагах от моря одному владельцу принадлежат 5 домов. В одном из них гостинница, где берут на полном содержании полторы иены в сутки; около протекает ручей, в котором ночью шуршат крабы, днем таящиеся под камнями и мостиком; Кругом заросли са-

„Наша квартира”. Студия Давида Бурлюка
на острове Чичиджима в Великом Океане.

By DAVID BURLIUK.
1921 г.

харного тростника, целые рощи фикусов, тонкие стебли бамбука и пропеллеры банановых пальм. Все это на почве, которая на обрывах кажется обрызганной кровью, или сафьяновым переплетом, выткнувшимся из зеленой гущи толстых лакированных листьев.

Хозяева японцы; они отдают нам за семь иен в месяц домик над ручьем; в домике нет потолков, крыша из пальмовых листьев, когда лежишь на полу и смотришь вверх, то никогда не забудешь, что ты у тропиков. Домик сделан из тоненьких досок: ночью, когда смотришь на него со стороны, а внутри помещения горит лампа, то он весь просвечивает большими щелями и круглыми дырочками, отверстиями работы местной крупной шашели.

Спать в этой избе чрезвычайно приятно, и хотя на ночь задвинуты окна и двери, но звездный воздух свободно проходит под крышей, где вдоль стены большая щель вокруг всей хижины.

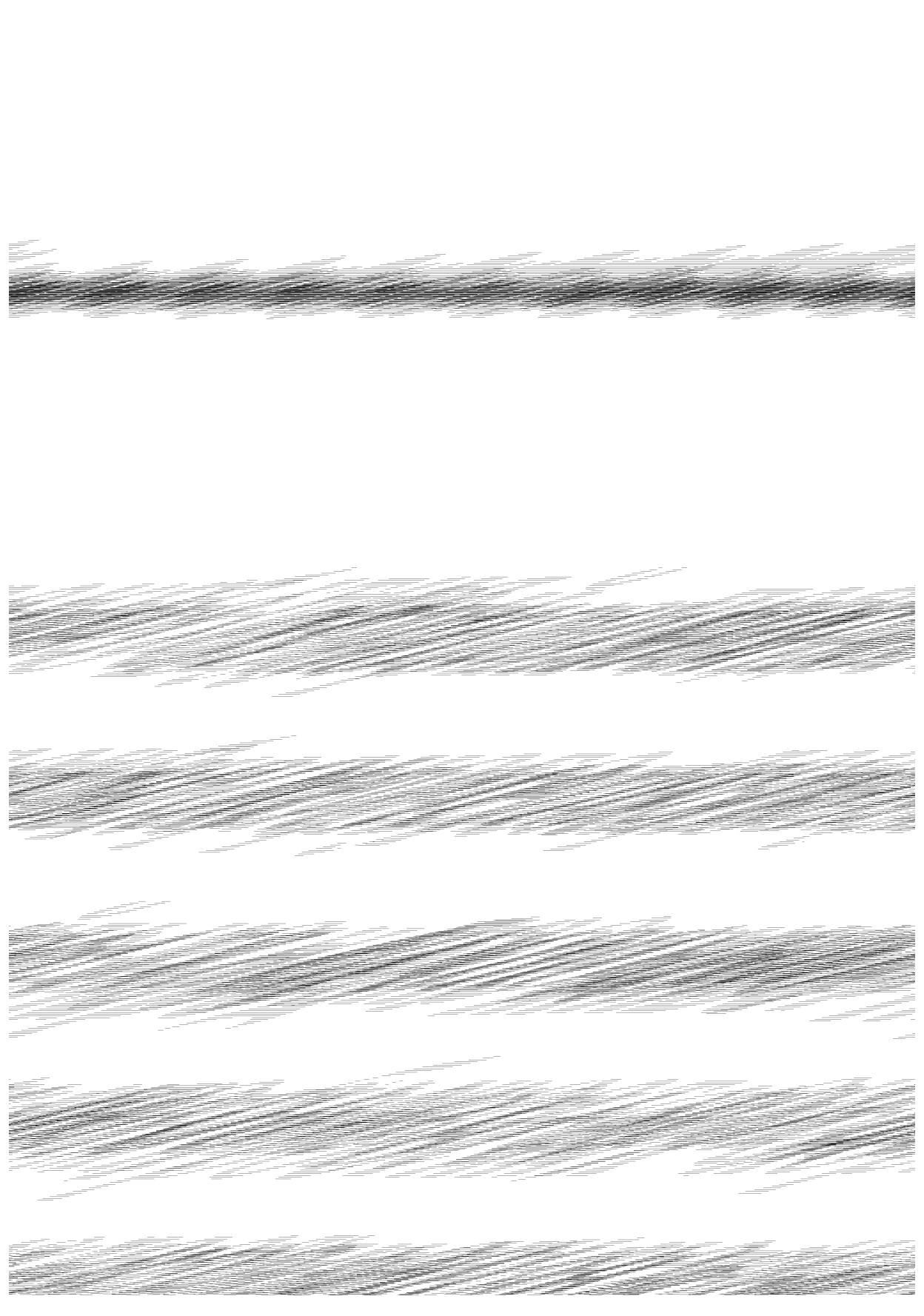
Домик расположен в долине, поэтому восходящее солнце на всей этой стороне острова появляется не сразу — оно долго озаряет небо, пока выберется из — за цепи гор, загораживающих восток. В шесть часов утра храме, на пригорке раздается звон небольшого колокола.... Умывание из колодца, в котором вода не далеко и отличается большей теплотой, она много теплее комнатной температуры... Вокруг круглой бухты — три деревни.

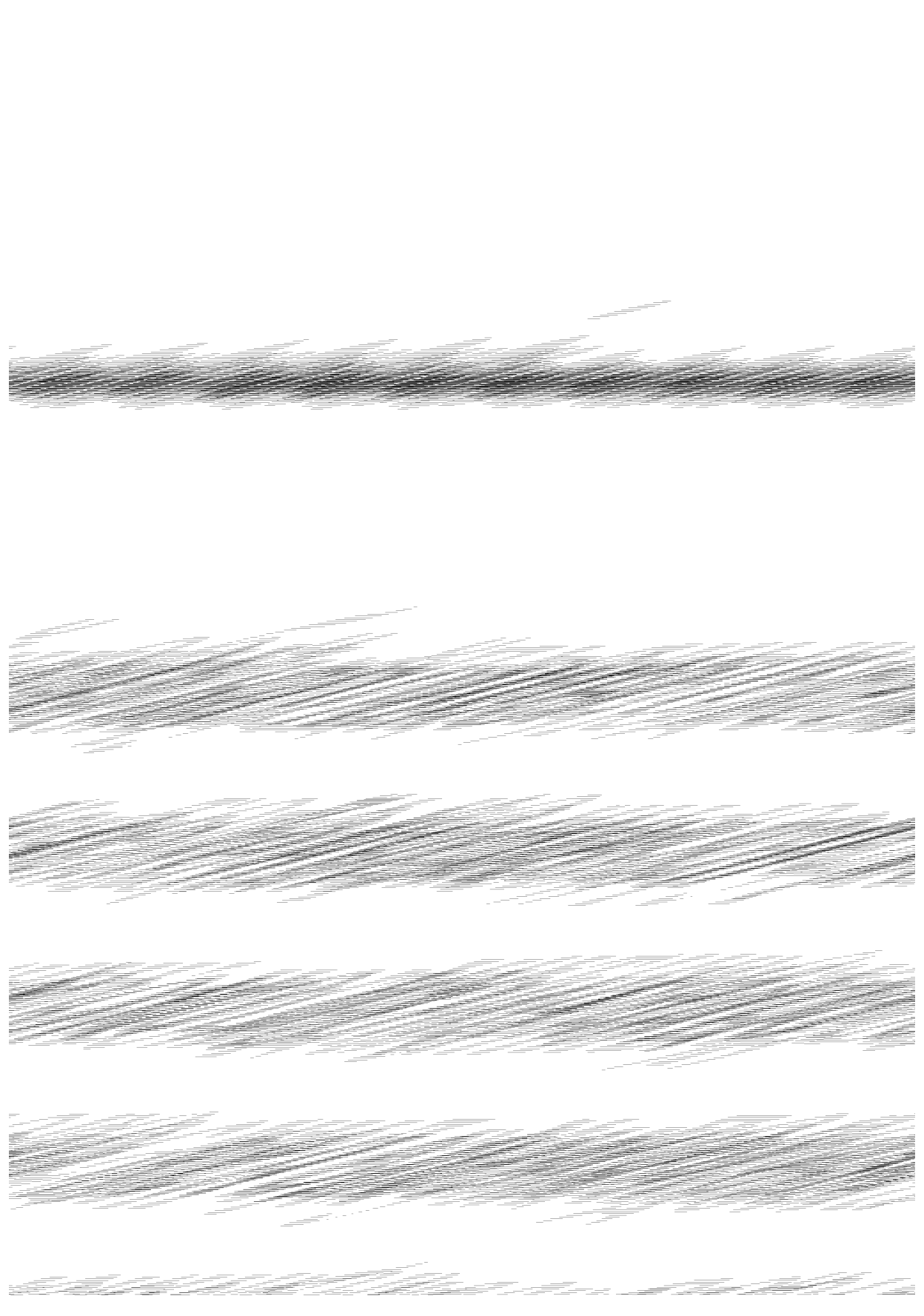
ПОСЕЛЕНИЯ ОСТРОВА.

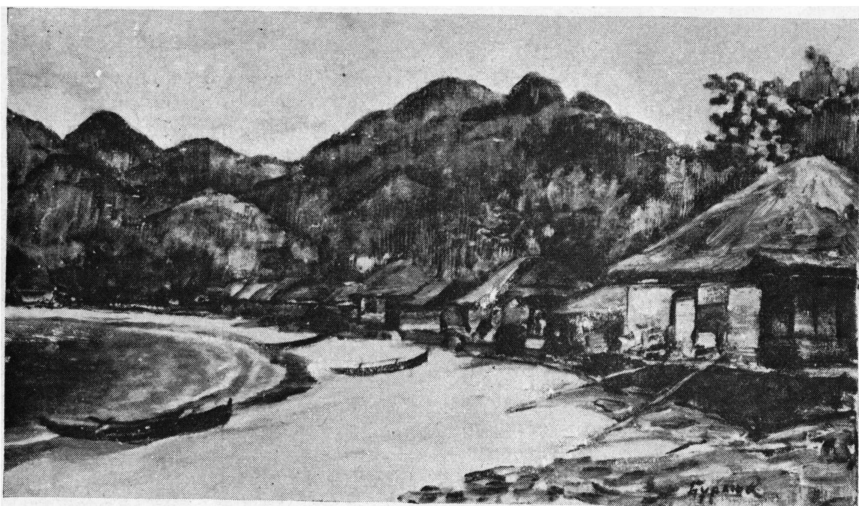
Мы поселились в „Огюрэ”: десятка три домов вытянулись узенькой улицей вдоль песчаной отмели, на которую вспрыгивают изумрудные валы, забежавшие из океана умирать в этом кладбище волн.

Все население у берега состоит из торговцев лавочников, приехавших сюда и разведших здесь сахарные плантации, устроивших сахарные кустарные заводы; в „Огюрэ” сколько домов — столько лавок; здесь есть все, что неизбежно в жизни японца: здесь — парикмахерская, а так же специалист по золотым зубам; редко встретишь человека, не побывавшего у него; тут же на берегу почта и большое здание школы, около которого — шум детских голосов, не заглушаемый прибоем. Этот поселок у моря ничего все же не дает нового, особенно, когда присмотришься к нему, это — типичная Япония!

Чтобы прикоснуться к быту местного, более древнего населения, нужно подняться от берега... В зарослях, в чащах фикусов, в путанице огненных дорожек, обросших синими мощными агавами вы увидите большие шалаши, сплетенные из листьев сахарного тростника, в них только нары и циновки японского образца, но закопченные дымом мохнатые стены и потолок переносят вас сразу в мир иной жизни, более простой и примитивной, совершенно уже лишенной японской жантильности.

Деревня Огюра на острове Чичиджима,
в Великом Океане.

By DAVID BURLIUK.
1921 г. — (масло).

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ОГА - СА - ВАРА.

II.

На Ога—Са—Вара пробыл четыре месяца; треть года был отрезан общения с цивилизованным миром; почта на Ога-са-Вара приходит раз в месяц, так же редко она и уходит. Предыдущее писалось непосредственно с натуры: кругом было обилие матерьяла; он не был исчерпан до конца и новый день тогда приносил, как бык с крутых гористых склонов, свежие вороха зеленых наблюдений, широких пальмовых листьев.

Теперь, уехав навсегда оттуда, я сознательно перебираю впечатления простой и безыскусственной, но декоративной жизни тамошней; а так как эти впечатления составляют для меня законченный том, переплетенный и поставленный на полку моей памяти, то и в самом характере моих воспоминаний можно будет заметить некоторую склонность к системе и классификации.

ОБ ОСТРОВАХ ВООБЩЕ.

В голубых водах земного шара лежат безмерные караван суши — материки.

Душа пресыщена безконечными просто-

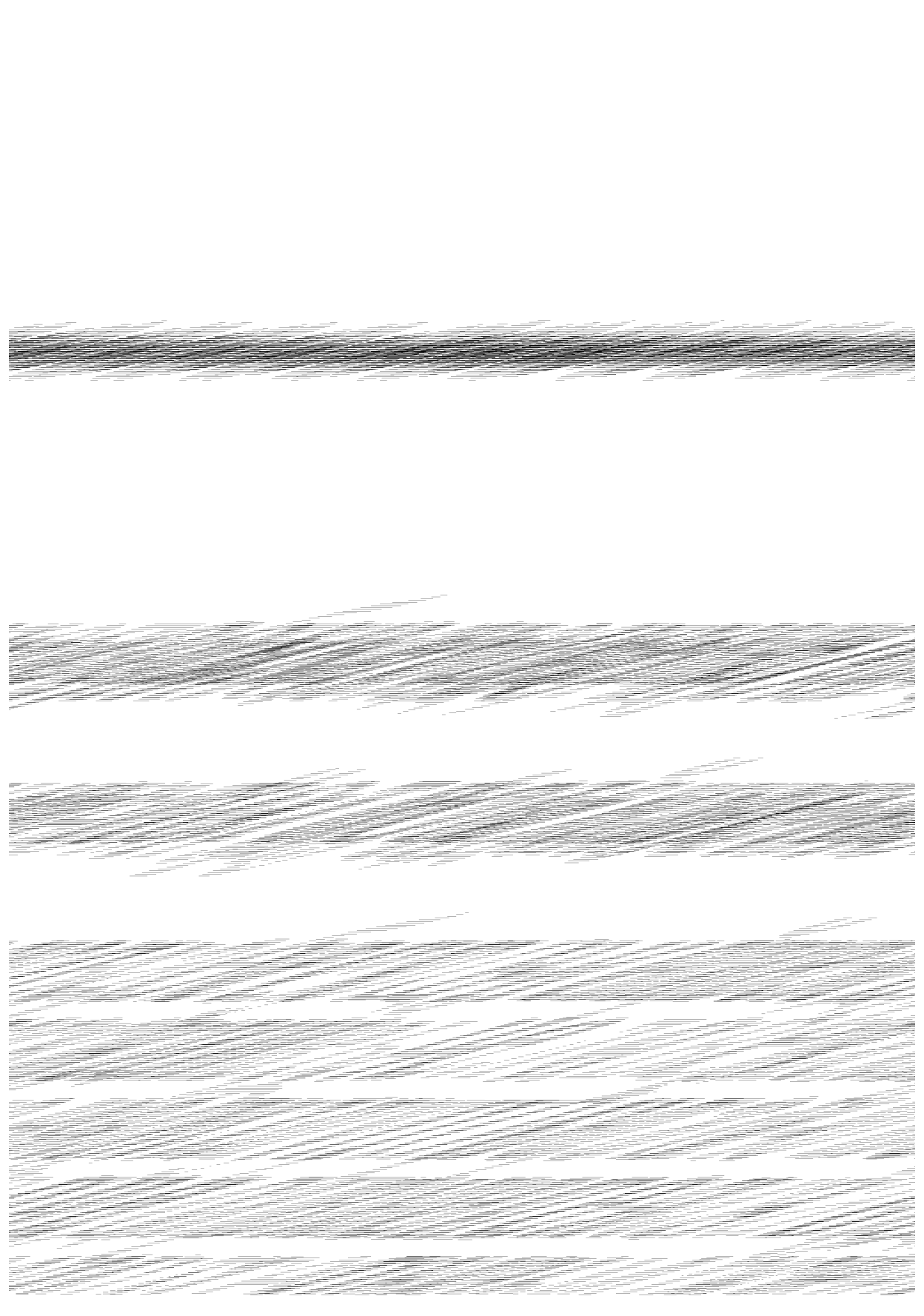
рами земных пространств, по которым буйствуют пыльные ветры.

Радуетесь душой, встречаясь с чистым свежим дыханием безпредельного океанического размаха.

Малые острова — это крохи суши, павшие на голубую безмерность Тихого и Великого.

ОБ ИМЕНАХ НЕКОТОРЫХ ОСТРОВОВ.

Пар, электричество, мощные суда с их машинами, которые победно борются с свирепыми волнами, мало по малу, удаляют поэзию Случая из нашей жизни; они превращают путешествия, столь опасные прежде для наших дедов, в обычные морские прогулки; судьба мало по малу утрачивает свою власть над человеком, становясь вместе со всеми стихиями покорной царю земных просторов; поэзия уходит со страниц современных путешествий; они так не схожи таковыми Купера и Жюль — Верна; те острова, что раньше навевали ужас своей отдаленностью и мрачной затерянностью скоро рискуют превратиться в

Никиша Бурлюк.

(Рисунок 1925 г.)

Давид Бурлюк.

Сыновья художника.

Drawings by **DAVID BURLIUK.**

О НАСЕЛЕНИИ ОСТРОВОВ.

Еще сто лет тому назад моталось по океану много разного беспокойного люда. Заблудившиеся мореходы, угнанные бурей от далеких островов Гавайи.

Привыкшие к холодным водам, владельцы китобойных судов находили здесь часто не только гибель судна, но и судьбу.

Их корабли разбились о неведомые рифы, шумный вал выбросил на берег обломки.

Первое население островов Ога - Сава - Ра и возникает столь странным, романтическим, случайным образом; эти пришельцы берут себе в жены дочерей „Канаков“, говорит Чемберлен, „и эта комбинация производит на свет весьма своеобразный маленький народец, не превышавший числом семидесяти особей“.

Теперь когда население превышает восемь тысяч человек, этот народец, остатки которого живут в деревне „Окумура“, не бросается в глаза среди нынешнего, основного, типично японского, населения. Но во время нашего пребывания на островах, три четыре раза нам пришлось видеть тех кто был первыми хозяевами маленьких клочков земли, столь уединенных и столь заброшенных среди безмерных, необозримых водных пустынь Великого.

Когда привыкнешь к японскому разрезу глаз, о котором знаменитых анатом **Плосс** говорит, что этот тип в человеческой породе атавистически донес до нас воспоминание о тех эпохах, когда у человека существовало третье веко, так как мы видим его настоящее время у птиц; Когда привыкнешь видеть всегда эту странность, то как то особенно поражаешься вдруг встретить местного аборигена, несомненно, но глядящего прозрачным теплым январским вечером, открытыми лучистыми глазами, как бы сошедшим с некоторых картин „Гогена“: в пустынных диких зарослях возвышенностей острова, среди широких листов древовидного папоротника, и спрутообразного *Pandanus'a*.

Напугав неожиданным появлением, предстал один издавна обитавших среди этих заброшенных скал: небольшого роста, с длинными руками, желтолицый, с прямыми жесткими волосами торчащими кверху; Во всех этих встречах с первого взгляда в душе возникал целый ряд образов и воспоминаний, переносящих в наше подсознательное, полужантастическое, полугрезовое, полужауное знакомство с странами еще более экстравагантными, с морями еще более цветными.